

УДК 316.347

О. Н. Курмышкина

ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»,
Саранск, Россия, e-mail: mad-oksana@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ АРМЯНСКОЙ,
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ДИАСПОР
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Аннотация. В фокусе статьи — социальное самочувствие представителей трех крупных национальных диаспор (армян, азербайджанцев и узбеков), проживающих на территории Республики Мордовия. Автором представлены результаты социологического исследования, где методом сбора первичной социологической информации выступил стандартизированный анкетный опрос, проведенный как посредством личного интервьюирования, так и через онлайн-анкетирование. Поскольку получение подробной информации о количестве представителей той или иной национальной диаспоры связано с определенными трудностями (временный характер пребывания, отсутствие оперативной информации в статистических сборниках и т.д.), отбор респондентов реализован по принципу «снежного кома» посредством диаспоральных региональных сетей. Проанализирована экономическая занятость армян, азербайджанцев и узбеков, а также определены характеристики экономически неактивного населения. Выявлены основные причины прибытия в регион, которые носят преимущественно экономический и бытовой характер. Изучена система ценностей представителей национальных диаспор, которую по многим параметрам можно отнести к универсальной. Проанализирован рейтинг социальных проблем, беспокоящих респондентов. Зафиксирована оценка опрошенными межнациональных отношений, которые характеризуются как стабильные и не напряженные. Представители национальных диаспор демонстрируют высокую степень лояльности по отношению к органам власти. Среди представителей национальных диаспор преобладают оптимистические взгляды на ближайшее будущее. Построены модели социального настроения изучаемых диаспор.

Ключевые слова: национальная диаспора, социальное самочувствие, армянская диаспора, азербайджанская диаспора, узбекская диаспора, социальные характеристики.

O. N. Kurmyshkina

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk,
Russia, e-mail: mad-oksana@yandex.ru

**SOCIAL WELL-BEING OF THE ARMENIAN, AZERBAIJANI
AND UZBEK DIASPORAS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Annotation. The article focuses on the social well-being of the representatives of three major national diasporas (Armenians, Azerbaijanis and Uzbeks) living in the territory of the Republic of Mordovia. The author presents the results of a sociological study, where the method of collecting primary sociological information was a standardized questionnaire survey conducted both through personal interviewing and through online questioning. There are difficulties in obtaining detailed information on the number of national diasporas (temporary nature of stay, lack of operational information in statistical collections, etc.). The selection of respondents was carried out by the method of "snowball" through regional networks of diasporas. The article analyzes the economic employment of Armenians, Azerbaijanis and Uzbeks and defines the characteristics of the economically inactive population. The author identified the main reasons for arriving in the region. These reasons are mainly economic and domestic in nature. The author presents the system of values of national diasporas, which in many respects can be attributed to the universal. The article gives a rating of social problems that concern respondents. Respondents assessed interethnic relations as stable and tense. Representatives of national diasporas demonstrate a high degree of loyalty to the authorities. Among the representatives of national diasporas, optimistic views on the near future prevail. The constructed model of social behavior study of diasporas.

Keywords: diaspora, social health, armenian diaspora, azerbaijan diaspora, uzbek diaspora, social characteristics, migration.

Введение. Современное российское государство – это, в первую очередь, многонациональное государство, где проживают люди различных национальностей и представители многих национальных диаспор. Но все чаще россияне относятся с настороженностью к представителям «видимых других», независимо от их гражданства и территории, с которой они прибыли, даже несмотря на общее советское прошлое [13, с. 70]. Напротив, распад Советского Союза и возникновение национальных движений в республиках актуализировали этническое сознание русских и представителей других национальных групп [9, с. 80]. Все чаще поднимаются проблемы самоидентичности диаспоральных групп, их социальной адаптации и интеграции в принимающее сообщество [14,16].

Но как себя чувствуют представители национальных диаспор? Насколько активно они участвуют в социально-политической и экономической жизни региона? В попытке ответить на эти и другие вопросы был проведен опрос армян,

азербайджанцев и узбеков, проживающих на территории Республики Мордовия. На основании изучения различных параметров их социального самочувствия мы стремились раскрыть потенциал межнационального взаимодействия и определить конфликтогенный потенциал, который проявляется на уровне повседневных практик.

Подходы к изучению диаспоральных отношений

Длительное время диаспоры и все, что с ними связано, игнорировалось или недооценивалось учеными и политическими деятелями. Одним из первых на то, что они представляют собой действенный инструмент влияния на ход событий в культурной, экономической, социальной и, главное, политической жизни, обратил внимание израильский исследователь Г. Шеффер [22]. Примерно с конца 1980-х гг. фиксируется бурный рост интереса к данной проблематике, причем не только со стороны этнологов, для которых предмет исследования более привычен, но и культурологов, социологов, политологов и др., что привело к определенному размытию концептуальных рамок [7, р. 1]. Полемика по поводу содержания понятия диаспор ввиду попыток его инкорпорирования в предметное поле различных социальных наук была инициирована уже в 1990-е гг. и не прекращается и по сей день [2].

Значительный вклад в разработку методологии изучения диаспоральных отношений внесли и отечественные социальные исследователи. В частности, по мнению Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыковой, диаспора представляет собой устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, которая живет в иноэтничном окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеет социальные институты для развития и функционирования данной общности [19, с. 37]. Как метафорично отмечает В. И. Дятлов, диаспора – некий отделившийся кусок этнического материка, его «сколок», продолжение, несущее в себе все его основные характеристики [10, с. 14]. Попытки теоретического осмысления и типологизации данного понятия принадлежат А. Ю. Милитареву [12], В. Д. Попкову [18] и др.

Широкий пул работ советских и российских авторов представлен результатами практикоориентированных исследований, направленных на выявление конкретных особенностей функционирования диаспор, их интеграции в принимающее сообщество. Так, научный коллектив под руководством А. В. Дмитриева проанализировал проблемы взаимодействия земляческих диаспор не только с местным населением, но и с прибывающими мигрантами [8]. Национальный фактор принимался во внимание при изучении диаспоральных сообществ в работах А. А. Авагимян [1], В. Кардумян и О. А. Щербиной [21] об армянах, З. Алиева и Г. А. Ализаде [3, 4] об азербайджанцах, И. Л. Поздеева и А. А. Арзамасова [17] об узбеках и др. Зачастую при изучении данного феномена в региональных пространствах прослеживается сдвиг в сторону этнографии [11, 20, 24]. Вскользь о диаспоральных особенностях упоминается в социологических работах,

посвященных межэтническим отношениям, а также особенностям межкультурной адаптации и интеграции представителей этносов в региональном сообществе [5, 6, 23].

Тем не менее, ввиду того, что диаспоры являются достаточно специфичным явлением, а их члены далеко не всегда готовы пойти на контакт с исследователем ввиду различных объективных и субъективных причин (к коим можно отнести языковые, религиозные и другие особенности), наблюдаются лакуны при их изучении, и особенно по вопросам, касающимся их социального самочувствия. По нашему мнению, детальное изучение данного явления помогает выявить проблемные точки в общественных настроениях, своевременная реакция на которые способна снизить конфликтогенный потенциал, как в самих диаспорах, так и в принимающем сообществе.

Эмпирическая база

Работа базируется на данных социологического опроса, проведенного коллективом Научного центра социально-экономического мониторинга в декабре 2017 года среди представителей трех крупных национальных диаспор (азербайджанцев, армян и узбеков), проживающих на территории Республики Мордовия. Необходимо отметить, что при изучении статистической информации мы столкнулись с отсутствием достоверных данных об объекте исследования. В качестве справочной информации были использованы данные Всероссийской переписи населения 2010 г., согласно которым в регионе проживает 1342 армянина, 707 азербайджанцев и 584 узбека [15, с. 5].

Неопределенность генеральной совокупности, а также специфика самих национальных диаспор не позволили нам при построении выборки воспользоваться вероятностными принципами. Поэтому был реализован метод «снежного кома», применяемый при изучении целевых групп, где доступность респондентов ограничена. Всего нами было опрошено 345 представителей изучаемых диаспор, из них 168 армян, 100 азербайджанцев и 77 узбеков.

Учитывая специфику опрашиваемого контингента, для поиска респондентов зачастую привлекали председателей региональных диаспоральных отделений. Лучше остальных на контакт шли представители армянской диаспоры, которые не редко давали контакты своих знакомых и родственников для дальнейшего опроса; наиболее «закрытыми» были узбеки, они не только плохо говорили и понимали вопросы на русском языке, но и относились с подозрением к интервьюерам (например, для того, чтобы узбечка приняла участие в исследовании, необходимо было заручиться одобрением ее мужа или брата).

Каждая из рассматриваемых диаспоральных групп обладает различными наборами независимых переменных, указывающими на их специфичные черты.

Среди армян незначительно преобладают мужчины (59 % против 41 % женщин). Доля молодежи от 18 до 29 лет составила 35 %, респондентов среднего возраста — 41 %, лиц старше 50 лет — 23 %. Треть опрошенных армян (34 %) имеют начальное среднее профессиональное образование, а четверть (28 %) —

незаконченное высшее или высшее. Чаще всего армяне работают по найму в коммерческой организации (34 %) или занимаются предпринимательской деятельностью (17 %). Доля временно неработающих составила 6 %. Почти половина армян (43 %) проживает здесь более 20 лет, а каждый пятый (21 %) — с рождения. Многие приехали к своим родственникам и друзьям после землетрясения в Армении 7 декабря 1988 г.

В группе азербайджанцев доля мужчин в три раза выше, чем женщин (76 и 24 % соответственно). Большая часть опрошенных (44 %) в возрасте от 30 до 49 лет, треть (32 %) — от 18 до 29 лет и четверть (23 %) старше 50 лет. Половина азербайджанцев имеет только основное школьное образование, начальное и среднее профессиональное почти у каждого третьего (29 %), а высшее — у каждого пятого (22 %). Основным видом экономической деятельности среди них является предпринимательство (40 %) и работа по найму в коммерческой сфере (21 %). К безработным себя отнесли 7 %. Среди азербайджанцев каждый пятый (20 %) проживает в регионе с рождения, каждый третий (34 %) — от 10 до 19 лет, почти половина (40 %) — больше 20 лет.

Представители узбекской диаспоры представлены преимущественно мужчинами (65 % против 35 % женщин). Половина опрошенных (49 %) указали возраст от 30 до 49 лет, треть (35 %) — старше 50 лет. Большинство респондентов (61 %) получили только общее школьное образование, а четвертая часть (25 %) — начальное, среднее профессиональное. Половина из них (51 %) работает в коммерческой сфере, четверть (26 %) занимается предпринимательской деятельностью, почти каждый десятый (7 %) временно не работает и ищет работу. К экономически неактивному населению относится 16 % опрошенных узбеков, большинство из которых занимается домашним хозяйством. Большая часть респондентов в данной группе проживают в регионе от 10 до 19 лет или до 9 лет (43 и 39 % соответственно); больше 20 лет — только примерно каждый пятый (18 %).

Результаты исследования и их обсуждение

Система ценностных ориентаций национальной диаспоры во многом определяет образ жизни, модель поведения, а также в некоей степени говорит о социальном самочувствии ее представителей на данном этапе жизни. При анализе ценностных установок выяснилось, что лидирующее положение среди представителей всех диаспоральных групп занимают такие универсалистские ценности как семья и здоровье (табл. 1).

Для всех диаспоральных групп важными ценностями является уважение окружающих и национальные традиции. Следует отметить, что в каждой диаспоре есть одинаковый набор ценностных установок (здоровье, семья, материальное благополучие), но также в ценностное ядро входят и какие-то присущие только им элементы. Например, для армян значима интересная работа (23 %), азербайджанцев — гражданская активность и демократия, свобода личности (24 %), узбеков — религия (26 %).

Таблица 1 / Table 1

Система ценностей представителей армянской, азербайджанской и узбекской национальных диаспор, % / The value system of representatives of the Armenian, Azerbaijani and Uzbek national diasporas, %

Ценности / Value	Армянская диаспора / Armenian diaspora	Азербайджанская диаспора / Azerbaijani diaspora	Узбекская диаспора / Uzbek diaspora
Здоровье / Health	80	77	77
Семья / Family	72	66	75
Материальный достаток, богатство / Material wealth, wealth	38	14	57
Любовь / Love	30	20	10
Национальные традиции / National tradition	25	21	35
Интересная работа / Interesting work	23	17	10
Уважение окружающих / Respect for others	21	19	17
Спокойная размеренная жизнь / Quiet measured life	20	29	22
Религия / Religion	14	15	26
Гражданская активность / Civil activity	13	25	3
Демократия, свобода личности / Democracy, personal freedom	11	24	4

О социальном самочувствии респондентов косвенно свидетельствует рейтинг проблем, беспокоящих представителей изучаемых диаспор. Лидирующие позиции в данном списке занимают: рост цен, безработица и низкая оплата труда. Так, данные варианты отметило большинство представителей узбекской национальной диаспоры. В каждой изучаемой группе, есть доля респондентов, которые указали, что их волнует проблема алкоголизма (41 % среди азербайджанцев, 32 % среди армян и 23 % среди узбеков). Также армяне и азербайджанцы достаточно часто отмечали, что их, прежде всего, беспокоит проблема наркомании (29 и 35 % соответственно).

Включенность национальных диаспор в межличностные коммуникации и межличностное взаимодействие с представителями других национальностей во многом определяет характер межнациональных отношений в регионе. Если сравнить оценки межнациональных отношений изучаемых диаспор, то можно сделать вывод: представители национальных диаспор дают позитивную оценку межнациональным отношениям в регионе. Большинство армян и азербайджанцев (81 и 91 % соответственно) отметили, что отношения спокойные и добрососедские. Этому же мнения придерживается и 43 % узбеков. Однако половина узбеков отметила, что межнациональные отношения спокойны только внешне, а на бытовом уровне ощущается межнациональная напряженность. На проблему ухудшения отношений между людьми разных национальностей

указали 7 % армян и 6 % азербайджанцев. Следует отметить, что, при опросе⁴ населения Республики Мордовия выяснилось, что на ухудшение межнациональных отношений в регионе указал лишь 1 % населения.

Сравнивая распределение ответов респондентов по ряду вопросов, замечена следующая закономерность: мнения представителей армянской и азербайджанской диаспор по многим позициям оценки социального самочувствия совпадают, в то время как мнения узбеков отличны от них. Что же касается оценки материального положения, то мнения респондентов азербайджанской диаспоры по этому аспекту совпадают с мнениями узбекской. Больше 60 % азербайджанцев и узбеков отметили, что денег достаточно для приобретения продуктов, одежды и оплаты услуг ЖКХ. Высоко оценили свое материальное положение 13 % азербайджанцев и 5 % узбеков. Для респондентов армянской диаспоры характерны более высокие оценки своего материального положения. Так 34 % армян указали, что могут себе ни в чем не отказывать, либо покупка товаров длительного пользования не вызывает у них затруднений. Денег достаточно для приобретения продуктов, одежды и для палаты услуг ЖКХ 47 %.

Каковы ожидания от будущего у проживающих национальных диаспор республики? Абсолютное большинство респондентов не собираются уезжать из республики. Основная масса всех опрошенных смотрит в будущее с оптимизмом и надеется на лучшее. На улучшение ситуации во всех сферах жизни верит больше 60 % армян и азербайджанцев, и 32 % узбеков. Среди последних больше тех, кто ожидает улучшение в более отдаленной перспективе (60 %) (табл. 2).

Таблица 2/ Table 2

Личные ожидания респондентов от будущего, % / Personal expectations of the future, %

Варианты ответа / Answer choice	Армянская диаспора / Armenian diaspora	Азербайджанская диаспора / Azerbaijani diaspora	Узбекская диаспора / Uzbek diaspora
Я сохраняю оптимизм и считаю, что ситуация во всех сферах жизни в скором времени изменится к лучшему / I remain optimistic and believe that the situation in all spheres of life will soon change for the better	64,0	75,5	32,0
В ближайшее время жизнь лучше не станет, но в перспективе изменится к лучшему / In the near future, life will not get better, but in the long term will change for the better	23,2	17,0	60,0
Я думаю, что впереди ждут еще более тяжелые времена и «просвета» пока не видно / I think that	5,5	1,1	6,7

⁴ Исследование было проведено Научным центром социально-экономического мониторинга в мае 2018 г., в рамках которого было опрошено 1000 чел.

Варианты ответа / Answer choice	Армянская диаспора / Armenian diaspora	Азербайджанская диаспора / Azerbaijani diaspora	Узбекская диаспора / Uzbek diaspora
there are even more difficult times ahead and the "gap" is not yet visible			
Ничего не изменится в обозримом будущем / Nothing will change for the foreseeable future	7,3	6,4	1,3

Одним из факторов, свидетельствующих о настроении диаспор, является отношение респондентов к представителям власти различного уровня. Респонденты всех изучаемых диаспор демонстрируют высокую лояльность к деятельности президента РФ В. В. Путина. Так, абсолютное большинство армян (90 %), азербайджанцев (88 %) и узбеков (97 %) удовлетворено деятельностью президента. Высокая степень удовлетворенности у респондентов и деятельностью Главы Республики Мордовия В. Д. Волкова (около 90 % в каждой национальной диаспоре).

Для более наглядной картины и сравнительного анализа всех изучаемых групп была построена модель социальных настроений представителей различных диаспор (рис. 1). При построении модели учитывались следующие показатели социального настроения: материальное положение семьи, оценка деятельности органов власти, оценка политических взаимоотношений России со странами национальных диаспор, оценка межнациональных отношений и социальный оптимизм. На основании полученных данных рассчитана разность между долей положительных и отрицательных ответов, и чтобы избежать появления отрицательных значений, к разнице прибавлялось 100, при этом значение показателей может колебаться от 0 до +200. Тревожным является показатель, когда значение показателя принимает значение ниже 100 п.

В зависимости от значения показателей можно выделить три модели социального настроения: позитивная (от 150 до 200 п.), умеренная (нормальная) (от 100 до 150 п.) и тревожная (от 0 до 100 п.). При графическом иллюстрировании любая из трех моделей должна быть приближена к форме правильного многоугольника. Если модель приближена в форме неправильного многоугольника, то это может свидетельствовать об определенных проблемах (волнениях) внутри изучаемой группы.

Проведенное моделирование позволяет констатировать, что социальные настроения представителей армянской и азербайджанской диаспоры имеют позитивный характер и приближены по каждому из рассматриваемых параметров к форме правильного многоугольника (рис. 1).

В то же время, серьезную обеспокоенность вызывают социальные настроения узбеков, поскольку построенная модель имеет явный перекося по ряду показателей. В позитивной зоне здесь – политические отношения (166 п.), социальный оптимизм (184 п.) и оценка деятельности власти (195 п.); в

умеренной – материальное положение (138 п.) и тревожной – межнациональные отношения (87 п.). Значение последнего показателя преодолело критическую планку 100 п., однако стоит заметить, что больше половины узбеков (53 %), оценили межнациональные отношения как спокойные, а напряженность ощущается ими на бытовом уровне. Данный факт не дает основания предполагать о возникновении конфликтов в этой среде в ближайшем будущем, однако критическая планка показателя требует контроля над ситуацией и ее постоянного мониторинга.

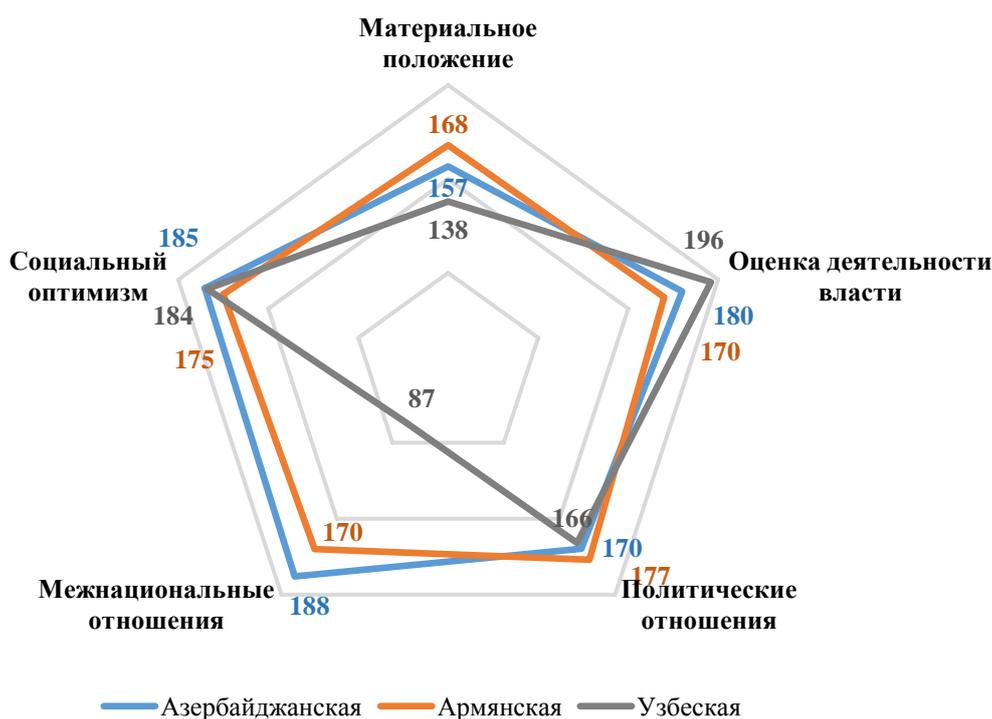

Рисунок 1. Модель социальных настроений представителей армянской, азербайджанской и узбекской национальных диаспор

Самый высокий показатель оценки деятельности власти у представителей узбекской диаспоры (196 п.); материального положения и политических отношений – армянской (168 и 177 п. соответственно), социального оптимизма и межнациональных отношений – азербайджанской (185 и 188 п.).

Выводы

Изучаемые национальные диаспоры активно вовлечены в экономическую жизнь мордовского региона, большинство из них трудится в коммерческой сфере или же занимается предпринимательской деятельностью. Представители диаспор сталкиваются с такими же проблемами, что и население республики в целом; в большей степени всех волнуют рост цен, безработица и низкая оплата труда. Построенные модели социальных настроений свидетельствуют об умеренно позитивном векторе социального самочувствия изучаемых диаспор. Некоторую обеспокоенность вызывают только представители узбекской

диаспоры, где межнациональные отношения входят в группу тревожных показателей, что преимущественно может быть связано с проблемами их адаптации в принимающем сообществе.

Таким образом, социальное самочувствие изучаемых диаспор не является благодатной почвой для возникновения и развития каких-либо волнений с их стороны, следовательно, можно предположить, что в ближайшем будущем в регионе не предвидится возникновение конфликтов на национальной почве, связанных с представителями армянской, азербайджанской и узбекской диаспор.

Проведенное исследование может быть полезно социологам, этнографам и другим ученым в смежных областях научного знания, которые интересуются вопросами социальной адаптации и консолидации представителей национальных диаспор в иноэтничном регионе, а также научным коллективам, занимающимся вопросами социального самочувствия национальных диаспор, межэтнических отношений и политической обстановки. Данные проведенного исследования могут быть приняты во внимание работниками министерств и ведомств, занимающихся вопросами межнациональных отношений, миграционной политики и предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. *Авагимян А. А.* Диаспоральная и национальная идентичность на примере армянских диаспор // Казанская наука. 2013. № 6. С. 172-175.
2. *Авдашкин А. А.* Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования // Вестник ЧелГУ. 2015. №2 (357). С. 131-137.
3. *Алиев З.* Азербайджанская диаспора в России: история и современность // Исторические науки. 2011. № 6. С. 38-43.
4. *Ализаде Г. А. К.* Азербайджанская диаспора в современной России: основные общественные организации и направления их деятельности // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения. Часть 2. 2017. С. 318-321.
5. *Богатова О. А.* Социальные факторы динамики этнической идентичности в республике мордовия // В сборнике: Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии материалы пятой международной научной конференции: в 2 томах. 2016. С. 72-75.
6. *Богатова О. А., Клименова Н. А.* Изменение моделей социального поведения иностранных студентов в процессе межкультурной адаптации // Огарёв-Online. 2018. № 11 (116). С. 4.
7. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28. No. 1. pp. 1–19. doi: 10.1080/0141987042000289997
8. *Дмитриев А. В., Воронов В. В.* Адаптация и интеграция полиэтничного пространства регионов России: проблемы, рекомендации [монография] / А. В. Дмитриев, В. В. Воронов; ФНИСЦ РАН, изд. 2-е испр. и доп. – М.: Новый Хронограф, 2018. – 336 с.
9. *Дробижева Л. М.* Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.
10. *Дятлов В. И.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8-23.
11. *Мельник А. Ф., Гармаева Т. В., Дивлишов А. В.* Миграция народов ближнего Зарубежья в условиях трансформирующегося общества на примере Республики Мордовия // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 25–31.

12. Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24-33.
13. Мукомель В. И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.
14. Мукомель В. И. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Федерализм. 2018. N 2. С. 141-160.
15. Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). Стат. Сборник / Мордовиястат. 2013. № 928. С. 99.
16. Пешкова В. М. К вопросу о групповой самоидентификации этнических сообществ в российских регионах (на примере Тюменской и Нижегородской областей и Краснодарского края) // Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах : [сб. статей] / под ред. А. В. Дмитриева. — М. : Новый Хронограф, 2016. — 208 с. С. 29-40.
17. Поздеев И. Л., Арзамазов А. А. Узбеки в России: практики адаптации в инокультурной среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4. С. 123-136.
18. Попков В. Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6-22; 2) Феномен этнических диаспор. М., 2003.
19. Тоценко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 37.
20. Шевцова А. А. К вопросу об адаптации и интеграции азербайджанских мигрантов в Республике Мордовия // В мире научных открытий. 2011. № 7-2 (19). С. 820-830.
21. Щербинина О. А. Армянская диаспора России: модели интеграции в принимающее общество // Региональные исследования. 2012. № 2 (36). С. 113-119.
22. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162-184.
23. Фофанова К. В., Сычев А. А., Борисов Д. М. Факторы межэтнической консолидации в контексте миграционных процессов // Регионология. 2014. № 4 (89). С. 130-140.
24. Юрченков В. А. Межэтнические отношения в региональном социуме: проблема гармонии // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, 2005. С. 239-242.

References

1. Avagimjan A. A. Diasporal'naja i nacional'naja identichnost' na primere armjanskih diaspor // Kazanskaja nauka. 2013. № 6. S. 172-175.
2. Avdashkin A.A Fenomen diaspory: metodologicheskie osnovy nauchnogo issledovanija // Vestnik ChelGU. 2015. №2 (357). S. 131-137.
3. Aliev Z. Azerbajdzhanskaja diaspora v Rossii: istorija i sovremennost' // Istoricheskie nauki. 2011. № 6. S. 38-43.
4. Alizade G. A. K. Azerbajdzhanskaja diaspora v sovremennoj Rossii: osnovnye obshhestvennye organizacii i napravlenija ih dejatel'nosti // Nauka i innovacii v XXI veke: aktual'nye voprosy, otkrytija i dostizhenija. Chast' 2. 2017. S. 318-321.
5. Bogatova O. A Social'nye faktory dinamiki jetniceskoj identichnosti v respublike mordovija. // V sbornike: Teoreticheskie problemy jetniceskoj i krosskul'turnoj psihologii materialy pjatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2 tomah. 2016. S. 72-75.
6. Bogatova O. A., Klimenova N. A. Izmenenie modelej social'nogo povedenija inostrannyh studentov v processe mezhkul'turnoj adaptacii. // Ogarjov-Online. 2018. № 11 (116). S. 4.
7. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28. No. 1. pp. 1–19. DOI: 10.1080/0141987042000289997

8. Dmitriev A. V., Voronov V. V. Adaptacija i integracija polijetniceskogo prostranstva regionov Rossii: problemy, rekomendacii [monografija] / A.V. Dmitriev, V.V. Voronov; FNISC RAN, izd. 2-e ispr. i dop. – M.: Novyj Hronograf, 2018. – 336 s.
9. Drobizheva L. M. Potencial mezhnacional'nogo soglasija: osmyslenie ponjatija i social'naja praktika v Moskve // Sociologicheskie issledovanija. 2015. № 11. S. 80–90.
10. Djatlov V. I. Diaspora: popytka opredelit'sja v ponjatijah // Diaspory. 1999. № 1. S. 8-23.9.
11. Mel'nik A. F., Garmaeva T. V., Divlishov A. V. Migracija narodov blizhnego Zarubezh'ja v uslovijah transformirujushhegosja obshhestva na primere Respubliki Mordovija // Integracija obrazovanija. 2006. № 4. S. 25–31.
12. Militarev A. O sodержanii termina «diaspora» (k razrabotke definicii)// Diaspory. 1999. № 1. S. 24-33.
13. Mukomel' V. I. Problemy integracii vnutorirossijskih inojetnichnyh migrantov // Sociologicheskie issledovanija. 2016. № 5. S. 69–79.
14. Mukomel' V. I. Regional'nye osobennosti integracii vnutorirossijskih inojetichnyh migrantov // Federalizm. 2018. N 2. S. 141-160.
15. Nacional'nyj sostav naselenija Respubliki Mordovija, vladenie jazykami i grazhdanstvo (po itogam Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda). Stat. Sbornik/ Mordovijastat. 2013. № 928. S. 99.
16. Peshkova V. M. K voprosu o gruppovoj samoidentifikacii jetniceskih soobshhestv v rossijskih regionah (na primere Tjumenskoj i Nizhegorodskoj oblastej i Krasnodarskogo kraja) // Identifikacionnye strategii diaspornyh i zemljacheskih grupp v rossijskih regionah : [sb. statej] / pod red. A. V. Dmitrieva. — M. : Novyj Hronograf, 2016. — 208 s. S. 29-40.
17. Pozdeev I. L., Arzamazov A. A. Uzbeki v Rossii: praktiki adaptacii v inokul'turnoj srede // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. 2015. T. 15. № 4. S. 123-136.
18. Popkov V. D. «Klassicheskie» diaspory: k voprosu o definicii termina // Diaspory. 2002. № 1. S. 6-22; 2) Fenomen jetniceskih diaspor. M., 2003.
19. Toshhenko Zh. T., Chapykova T. I. Diaspora kak ob#ekt sociologiceskogo issledovanija // Socis. 1996. № 12. S. 37.
20. Shevcova A. A. K voprosu ob adaptacii i integracii azerbajdzhanskih migrantov v Respublike Mordovija // V mire nauchnyh otkrytij. 2011. № 7-2 (19). S. 820-830.
21. Shherbinina O. A. Armjanskaja diaspora Rossii: modeli integracii v prinimajushhee obshhestvo // Regional'nye issledovanija. 2012. № 2 (36). S. 113-119.
22. Sheffer G. Diaspory v mirovoj politike // Diaspory. 2003. № 1. S. 162-184.
23. Fofanova K. V., Sychev A. A., Borisov D. M. Faktory mezhjetniceskoj konsolidacii v kontekste migracionnyh processov // Regionologija. 2014. № 4 (89). S. 130-140.
24. Jurchenkov V. A. Mezhjetniceskie otnoshenija v regional'nom sociume: problema garmonii // Jetnokul'turnye processy v mordovskoj diaspore. Saransk: NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve RM, 2005. S. 239-242.

Сведения об авторе:

Курмышкина Оксана Николаевна – старший научный сотрудник ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в г. Саранске. Занимается изучением миграционного поведения населения Республики Мордовия. Автор 10 научных работ.

E-mail: mad-oksana@yandex.ru

About the author:

Kurmyshkina Oxana Nikolaevna – senior researcher Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, in Saransk. Engaged in the study of migration intentions of the population of the Republic of Mordovia. Author 10 scientific works.

E-mail: mad-oksana@yandex.ru